

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 811.352.2

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-442-454

EDN: UBBZJS

ВИЛЬГЕЛЬМ ПРЕЛЕ И ФОНЕТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ЧЕРЕКСКОГО ДИАЛЕКТА

Рашид Султанович Аликаев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, ralikaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изложения основных положений работы венгерского востоковеда Вильгельма Прёле «Balkarische Studien», посвященного описанию балкарского идиома, включающего и раздел о фонетике черекского диалекта. Исследователи карачаево-балкарского языка часто в своих работах ссылаются на данную публикацию В. Прёле, не имея детального представления о ее содержании.

Материалом исследования послужили сведения, изложенные в указанной работе о фонетических явлениях в черекском диалекте балкарского идиома, представляющего собой до настоящего времени единственный научный источник в зарубежной лингвистике по данному диалекту, материал которого также не переведен на русский язык.

В статье впервые в отечественной лингвистике детально анализируется теоретическая интерпретация фонетических явлений черекского диалекта, полученных у информантов на уровне разговорной реализации языкового материала в начале XX столетия. Особое внимание уделяется общим положениям фонетического состава исследуемого диалекта, важным характеристикам системы консонантизма и вокализма в аспекте особенностей устной реализации, явлениям сингармонизма и позиционно обусловленных трансформаций гласных и согласных.

Ключевые слова: Вильгельм Прёле; карачаево-балкарский язык; фонетика; черекский диалект; система вокализма; система консонантизма.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор No 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Аликаев Р.С. Вильгельм Прёле и фонетическая картина черекского диалекта // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 442-454. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-442-454. EDN: UBBZJS.

© Аликаев Р.С., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

WILHELM PRÖHLE AND THE PHONETIC PROFILE OF THE CHEREK DIALECT

Rashid S. Alikaev

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ralikaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7602-4349>

Abstract. The relevance of the present study is due to the need to present the main provisions of the work by the Hungarian Orientalist Wilhelm Pröhle, "Balkarische Studien," which is dedicated to the description of the Balkar idiom, including a section on the phonetics of the Cherek dialect. Researchers of the Karachay-Balkar language often refer to this publication by W. Pröhle in their works without having a detailed understanding of its content.

The material for the study consists of the information presented in the aforementioned work concerning phonetic phenomena in the Cherek dialect of the Balkar idiom. To date, this work remains the sole scientific source in foreign linguistics on this dialect, and its material has not been translated into Russian.

The article provides the first detailed analysis in domestic linguistics of the theoretical interpretation of phonetic phenomena of the Cherek dialect, obtained from informants at the level of colloquial realization of linguistic material at the beginning of the 20th century. Special attention is paid to the general provisions of the phonetic composition of the dialect under study, important characteristics of the consonant and vowel systems in terms of oral realization features, phenomena of synharmonism, and positionally conditioned transformations of vowels and consonants.

Keywords: Wilhelm Pröhle; Karachay-Balkar language; phonetics; cherek dialect; vowel system; consonant system.

Funding: The research was funded by an internal grant from KBSU (agreement no. 45) as part of the "Priority 2030" program.

For citation: Alikaev R.S. V. Pröhle and the phonetic profile of the cherek dialect. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 442-454. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-442-454. EDN: UBBZJS.

© Alikaev R.S., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Молодой венгерский лингвист Вильгельм (Вильмош) Прёле, занимавший должность приват-доцента Клужского университета Австро-Венгрии, летом 1908 г. был направлен в Россию по приглашению председателя Русского комитета Международного Средне – и Восточно-Азиатского исследовательского общества академика В.В. Радлова, подписавшего в свое время договор с аналогичной научной структурой с венгерской стороны о сотрудничестве в области тюркологических исследований, в качестве стажера-исследователя для сбора материала по кыпчакско-тюркским языкам (по башкирскому и карачаево-балкарскому), финансовую поддержку оказывало Министерство религиозного и народного просвещения Венгрии.

После посещения Карачая, куда он прибыл летом 1909 г., где изучил карачаевский язык с помощью учеников мусульманской школы Мурата Аджиева и Мазана Тамбиева, которые одновременно сопровождали его в экспедиции по Карачаю, завершив сбор языкового и фольклорного материала, В. Прёле летом 1913 г. прибыл в Верхнюю Балкарию для знакомства с балкарским языком и сбора запланированного этнолингвистического материала. Можно предположить, что

Мурат Аджиев и Мазан Тамбиев сопровождали его и в этой экспедиции, выполняя роль информантов и посредников при общении с местным населением.

Фонетика балкарского идиома, включающая только материал черекского диалекта, никогда не был предметом детального описания и анализа, хотя и представляет единственный источник по данному разделу балкарского идиома в зарубежной тюркологии. Балкарским штудиям В. Прёле были посвящены отдельные статьи Р.С. Аликаева, С.К. Башиевой, М.Р. Тогузаевой [Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015а: 207-216; Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015b: 172-174; Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015с: 63-69; Аликаев, Тогузаева 2015: 4-5; Аликаев, Тогузаева 2016: 406-411; Аликаев 2017: 4-24].

Актуальность данного исследования заключается в необходимости детального описания и анализа фонетики диалекта В. Прёле, что имеет важное историко-лингвистическое значение для исследователей карачаево-балкарского языка.

Обсуждение

Раздел, посвященный фонетике черекского диалекта, был опубликован в журнале в пятнадцатом номере журнала «Keleti Szemle» («Восточное обозрение») за 1914/1915 г. [Pröhle 1914/1915: 165-178]. Он включал 40 пунктов. Общие вопросы, касающиеся фонетического инвентаря черекского диалекта с характеристикой отдельных звуков, рассматриваются в пунктах 1-11. Дифференциальные признаки балкарского консонантизма в отличие от карачаевского описаны в пунктах 12-15. Вопросы гармонии звуков описаны в пунктах 16-20. Пункты 21-25 посвящены позиционным трансформациям гласных, пункты 26-35 – позиционным трансформациям согласных. Ударение описывается в пункте 36. Вопросы долготы и краткости согласных описываются в пунктах 37-40 [Pröhle 1914/1915: 165-178].

Репертуар фонетических звуков, обозначенный транскрипционными знаками, В. Прёле приводит в следующей последовательности и с дополнительными значками, которые ориентированы на адекватную передачу звукового облика отдельных знаков: *a, á, d, c, č, d, e, ä, f, g, γ, h, χ, χ̇, i, î, ê, j, k, q, l, m, n, η, o, ö, p, r, s, š, t, u, ü, w, z, ž, ɣ* и знак *˘*. В этот ряд не включен звук *ž*, который зафиксирован в примерах *žol*(жол) и *inži* (инжи) [Pröhle 1914/1915: 172].

В дальнейшем тексте идет детальное описание каждого из приведенных звуков с иллюстрацией в рамках соответствующих лексем. Важно отметить, что описание основывается на устной рецепции звуков у информантов, что в отдельных случаях влияет на точность определение фонетического статуса отдельного звука.

Описание начинается с звука *a*, отмечается, что он обычно является кратким или полудолгим, как в слове "*alábiz*" ("мы берем"), первое *a* произносится кратко, а второе, находящееся в ударной позиции, – полудолго. В. Прёле отмечает функционально ограниченный характер долгого варианта данного звука (*ā*), встречающийся, по его мнению, только в междометиях *ah, oh, ach!* Особенность краткого варианта звука заключается в том, что он, находясь в неударной позиции, произносится очень коротко и мимолетно, почти касаясь звука *i* (ы), и чаще встречается в личных окончаниях *-tan, -san*; так, например, в словах *aláman* (aláman),

алáсан (alásan) ("я беру, ты берешь") часто слышится *alám^an*, *alás^an*, даже, как *alámín*(аламын), *alásín*(аласын).

Краткий звук "а" с оттенком полужвука э (или ы) функционирует лишь в постпозиции в слове *bila* (обычно *bíla*), в междометии *ájháj*", а также как вставной гласный в слове Арысия (Arısij) (Россия) [Pröhle 1914/1915: 167-168].

Звук *e*. В. Прёле отмечает позиционно несколько открытый характер звука, только перед *r*, да и то не повсеместно, в отличие от карачаевского идиома, обычно же бывает кратким и полудолгим, что иллюстрируется на примере лексемы *kelébiz* "мы придем", где первый звук *e* краткий, второй (в ударной позиции) – полудолгий. Достаточно растянуто он произносится в *ēm*, *jēm* (для *edím*, *jedím*) "я был", *ēŋ*, *jēŋ* (для *edín*, *jedín*) "ты был", *ēd*, *jēd*, *ēt*, *jēt* (для *edi*, *jedi*) "он (она, это) был", а затем также в междометиях, таких как *ēj* "ай". Очень бегло *e* часто произносится в личных окончаниях *-men*, *-sen*: *kelémen*, *kelésen* "я приду, ты придешь", при произношении у многих он звучит почти как *kelémin*, *kelésin*, даже почти как *kelém^en*, *kälés^en*.

По мнению В. Прёле, открытый *ä* для *e* слышно в словах *mélläj* "как я", *sélläj* "как ты", но и эти слова обычно всегда произносятся как *mellej*, *sellej*. При этом делается примечание, что в словах типа *kezű* «ряд», *kezbáu* «обман» балкарский *e* соответствует карачаевскому *ö*, ср. *k^eözű*, *k^eözbau* [Pröhle 1914/1915: 168].

Звук *ы*. Преле отмечает краткий и беглый характер произношения данного звука, особенно в безударных открытых слогах перед "л" или "р", а также в начальной позиции, или когда он появляется как вставной звук. В словах *"qıppır"* (кривой), *"zıntıxı"* (овес) все звуки "ы" краткие. В словах *"bila"* (с), *"qıráu"* (иней), *"istaqán"* (стекло, стакан для питья), *"qamıci"* (карачаевский: *qamci*) (кнул) безударный звук "ы" произносятся лишь очень бегло. В примечании подчеркивается, что в словах, таких как *qırál* (ср. карач. *qarál*) "страна, народ", *bajrım* (ср. к. *bajrárm*) балкарское *i* (ы) стоит вместо *a*, в *mında*, *mundá* "здесь", *bılá*, *bılár*, *bulá*, *balár* "этот", *i* (ы) чередуется с *u* [Pröhle 1914/1915: 168].

Звук *и*. Он произносится кратко или очень бегло. В слове *"kisi"* (мужчина) оба звука "и" краткие. В словах *"bilemen"* (я знаю) и *"cirik"* (гнилой) безударные звуки "и" (поскольку они находятся в открытом слоге перед "л" или "р") произносятся бегло. В примечании отмечается, что в слове *"sirű"* (стадо) в балкарском идиоме буква "i" передает звук "ü", выступающий в карачаевском *"sürű"* и османском *sürü* – стадо [Pröhle 1914/1915: 168-169].

Звук *у*. Он характеризуется как краткий, полудолгий, долгий и очень бегло произносимый. В слове *"tuzubúz"* (наша соль) все звуки "у" краткие. В *"su'ubuz"* (наша вода) первый звук "у" произносится полудолго (как "ü"). В словах *"bū"* (олень), *"sū"* (вода), *"tūyan"* (рожденный) звук "у" долгий. В словах *"bulút"* (облако) и *"burún"* (нос) звук "у" безударный и произносится бегло, что обусловлено открытостью слога в позиции перед "л" или "р". То же самое касается начального гласного "у" в словах типа *"uşqól"* (школа) и *"ustúl"*, *"ustól"* (стол). В примечании отмечается, что долгое *ū* в исходном языковом материале представляет добалкарское *oŋ*, *uŋ* (как в *tū-* "рождаться", османское *doŋ* -) или же балкарское *iū* (как в *acı*, для *acıū* "гнев") [Pröhle 1914/1915: 169].

Звук *ю(ü)*. Звук "ü", который произносится с заметно выдвинутыми вперед

губами, встречается в краткой, долгой и беглой (редуцированной) формах. В слове *küzgü* "Spiegel" оба звука "ü" краткие, в *kezü* "ряд, очередность" звук "ü" долгий, а в *büjürek*- *бюйюрек* "почка" безударный звук "ü" перед "r" часто настолько редуцируется, что слышится как "*büjrek-бюйрек*". В примечании отмечается, что при балкарском произношении данного звука иностранцам трудно отличить долгий звук *ü* от долгого звука *ū*; этимологически он обычно обозначает *üj*, *öj* или *iü*, например, *üren-* (от *üjren-*, *öjren-*) «учиться, привыкать»; *tigü* (от *tigüü*) «шитье».

Закрытые звуки *o* и *ë(ö)*. Отмечается, что закрытые звуки «*o*» и «*ë- ö*» изначально могут встречаться только в первом слоге, тогда как другие гласные появляются в любом слоге. Оба звука встречаются только в краткой и полудолгой формах. Например, в словах *orám* «переулочек» и *ölémén* «я умираю» звуки «*o*» и «*ö*» краткие; в словах *orún* «место» и *kögürçün* «голубь» – полудолгие.

В примечании отмечается, что за пределами первых слогов звук «*o*» встречается только в заимствованных словах или как часть дифтонга «*ou*»; то же самое относится к звуку «*ö*», но в балкарском языке закрытый звук «*ö*» также развился из «*e*» под влиянием предшествующего «*ö*» или «*ü*». Примеры: *taraqo* (каб. *taraqo*) «земляника», *onóu* «совет»; *ölgón* (вместо *ölgén*) «мертвый», *üjdó* (вместо *üjdé*) "в доме".

После описания системы вокализма В. Прёле переходит к системе дифтонгов в балкарском идиоме.

В черекском диалекте балкарского идиома В. Прёле отмечает наличие шести дифтонгов: *au*, *eü*, *eü iu, iu*, *u*, *ou*; *oü*, второй компонент которых, по его мнению, восходит в исходном (изначальном) языковом материале чаще всего к гортанному звуку в предбалкарский период и приводит следующие примеры: *tau* "гора", *altáu* "шестеро", *kijeü* "«зять, жених», *bešeü* "«пятеро», *qicirü* (*qicirü*) "крик", *tigüü* (*tigü*) "шумье", *onóu* "совет", *buzóu* "телёнок", *törtöü* "четверо", *tülöü* (для *tüleü*) "оплата".

Следует подчеркнуть, что в фонетике современного балкарского языка не отмечаются фонологические (т.е. истинные) дифтонги как самостоятельные гласные фонемы, но признаётся широкая представленность фонетических дифтонгов, образованных сочетанием стандартного гласного звука с полугласными глайдами (-й /j/ или полугласным -y/-w /w/).

В. Прёле полагает, что дифтонг "*ou*", по-видимому, произошёл в добалкарскую эпоху, а также частично в балкарскую из дифтонга "*au*"; в первом случае, вероятно, а во втором – безусловно, под влиянием предшествующих "*o*" или "*u*": балкар. *buzóu*, карачай. *buzóu*, казах. *bızau*, осман. *buzayu*, *buzayi* и т.д. Относительно происхождения дифтонга "*öü*" В. Прёле отмечает, что он возник скорее всего в балкарскую эпоху под влиянием предшествующего *ö* или *ü* из "*eü*": балк. *üsöü*, карач. *üßeü* «трое»; балк. *törtöü*, карач. *törtöü* «четверо»; казах. *dürtäü* «четверо».

При описании фонетической специфики отдельных звуков в рамках слова В. Прёле использует апостроф, отмечая, что данные звуки представляют собой слабые переходные звуки, которые носят динамичный характер и меняются в зависимости от обстоятельств, соединяя два гласных, не образующих дифтонг, и

приводит следующие примеры: *tau' úŋ* "твой горный"; *sau' ár* "он будет доить"; *kijeŋ' úm* "мой зять"; *zu' ár* "ответ", *zu' úq* "близкий". В слове *sau' ár* "он будет доить", замечает В. Прёле, на самом деле следовало бы ожидать *sawár*, однако современное произношение основано на том, что на основе таких совершенно правильных форм, как *sauí* "доить", *sau dúm* "я доил", дифтонг *au* сохраняется и в формах вроде *sauár* "он будет доить", *sáu'uyuz* "дойте!" [Pröhle 1914/1915: 170].

После описания дифтонгов В. Прёле переходит к системе консонантов в малкарском диалекте балкарского идиома. Обращаясь к звуковому значению использованных в работе согласных звуков, В. Прёле отмечает, что "f" всегда произносится с округленными губами, но, учитывая, что в балкарском языке другого звука "f" не существует, он счел излишним использовать для него другой письменный знак.

Характеризуя фонетические особенности произношения звука χ , он пишет, что данный звук произносится как $^k\chi$, в то время как χ без малейшего намека на q, довольно грубо, как швейцарское ch, звучит из горла. Акут (') над буквой часто указывает на удлинение или изменение произношения. Сочетанием $^k\chi$ обозначается глухой велярный взрывной звук (как в начале русского слова "к"). " χ " – это тот же звук, что и в начале предложения, но с акутом. Как видно из текста, χ (χ без акута) – это другой звук, который описывается как произносимый "без малейшего намека на q, под которым, вероятно, имеется в виду звук, похожий на русское "кв" или "ку" (как в английском "queen"). Автор подчеркивает, что звук χ не похож на это. Звук q он сравнивает со швейцарским ch (например, в слове "Bach"), т.е. – это глухой велярный фрикативный звук, который произносится в задней части горла [Pröhle 1914/1915: 170].

Следующий раздел посвящен описанию дифференциальных фонетических признаков малкарского консонантизма балкарского идиома в отличие от консонантизма карачаевского идиома.

В. Прёле отмечает ярко выраженную аспирацию звуков $\check{c}$, k , q и t как характерную фонетическую черту карачаевского идиома, которая практически отсутствует в малкарском диалекте, иллюстрируя это на словах $\check{c}'auq'á$ (грач), $k'elirge$ (приходить), $t'áu$ (гора), тогда как в балкарском они звучат как $\check{c}auqá$, $kelirgé$, $táu$. Он пишет, что, наблюдая за общением с горцами из Баксанского и Чегемского ущелий в Нальчике, заметил, что столь энергичное придыхание упомянутых звуков в карачаевском языке в более восточных диалектах проявляется уже не так заметно. Это позволяет ему утверждать, что баксанский и чегемский диалекты представляют собой переходное звено между карачаевским и балкарским идиомами карачаево-балкарского языка.

В. Прёле замечает, что появление согласного "j" перед гласными "e", "ö" и "ü", который так характерен для карачаевского идиома, в балкарском языке отсутствует, иллюстрируя это следующими примерами: карач.: *ješik*, *ešik* "дверь"; *jögúz*, *ögúz* "бык"; *jüč*, *üč* "три"; балкар.: только: *ešik*, *ögúz*, *üs*.

Только у глагольного корня на e- в балкарском идиоме появляется j- вставка после предшествующего гласного окончания, например, *bará-j-edim* "я шел"; *bará-j-esem* "если я иду". Однако здесь j на самом деле представляет собой суффикс герундия (особая отглагольная форма, которая совмещает свойства глагола

и существительного).

Далее на примерах В. Прёле показывает, что карачаевские звуки *č*, *ž* соответствуют балкарским *c* и *z*. Однако, отмечает В. Прёле, горцы Черекского ущелья, встречаясь с жителями Чегемского и Баксанского ущелий, а последние, в свою очередь, с карачаевцами из долин Кубани и Теберды, не только на рынках Нальчика и других местах, но и общаясь через высокогорные перевалы, а также учитывая, что духовенство часто привносит в Балкарию неместную речь, вполне объяснимо, что иногда можно услышать, как коренные балкарцы говорят слова, которые считаются чисто балкарскими, но на самом деле имеют другое ярко маркированное диалектное происхождение: *ceget*, *aγac*, *zol*, *inzi* как *čeget* (чегет), *aγač* (агач), *žol*, *žol* (жол, даже "йол), *inži*, *inži* (инжи), т.е. происходит процесс звуковой интерференции в рамках диалекта под влиянием взаимодействия в процессе коммуникации носителей разных говоров [Pröhle 1914/1915: 171-172].

Переходя к проблеме гармонии звуков, В. Прёле отмечает, что балкарский идиом находится на одном уровне с карачаевским, уточняя при этом, что а) первый слог слова может содержать любую гласную; в) за слогом, содержащим гласные «а» или «и», может следовать слог, содержащий одну из гласных: *a(a)*, *i(ы)*, *ai (ay)*, *iū (ü)* (*ыу* или долгое *у*) ; с) за слогом, содержащим гласные *о* или *у*, может следовать слог, содержащий одну из гласных *a(a)*, *у (u)*, *ou* или *ay (ou, ai)*, *ыу* или долгое *у (iū, ü)*; d) за слогом, содержащим гласные *е* или *і*, может следовать слог, содержащий одну из гласных *е (e)*, и *(i)*, *еу(еү)*, *иу (iü, u)*; е) за слогом, содержащим гласные *ө* или *ü*, может следовать слог, содержащий одну из гласных *е, ü*, *өü (eü)*, *iü (ü)* [Pröhle 1914/1915: 172]. В. Прёле особо подчеркивает, что изложенные отклонения от правил произношения встречаются в основном только в заимствованных словах, которые еще не адаптировались к фонетическому строю балкарского языка, а в собственно балкарских словах подобные отклонения происходят лишь при определенных обстоятельствах [Pröhle 1914/1915: 172-173].

Обращаясь к особенностям позиционных трансформаций гласных, автор отмечает, что для дифтонгов исследуемого диалекта определяющим является второй компонент; таким образом, как после "*ou*" и "*öü*", так и после "*au*", "*iū*", "*eü*", "*iü*" никогда не может следовать слог с "*i*" или "*i*", а только слог с "*u*" или "*ü*". Он полагает, что сочетания звуков, такие как *aj(aй)*, *ej(эй)*, *uj(уй)*, *iј(ый)*, *oj(ой)*, *öj(ёй)*, *iј(юй)*, *ij(ий)*, не следует рассматривать как дифтонги, аргументируя тем, что в них не *j(й)*, а предшествующий гласный определяет вокализацию следующего слога. Например, в слове "*iј*" (дом) форма родительного падежа будет "*iјnü*" (не "*iјni*"). В отличие от этого, в слове "*tau*" (гора) форма родительного падежа будет "*taunü*" (не "*tauni*"). В последних двух примерах заметна субъективная рецепция автором звукового образа лексем в процессе устного восприятия, которое может быть связано также с особенностями произношения информанта, ибо в разговорном варианте функционирует как *тауну*, так и *тауны*.

Далее отмечается трансформация гласного "*е*" в следующем слогом после слога с гласными "*ө*" или "*ü*", который почти всегда превращается в закрытую "*ө*". Например, "*ölgön*" вместо "*ölgén*" (умерший), "*üjdö*" вместо "*üjdé*" (в доме). По мнению автора, гласный звук "*ө*" является результатом особой диалектной эволюции в процессе огубления, после него в следующем слогом встречается "*ü*"

лишь в исключительных случаях, регулярно же появляется только *i*. Например, *"üjlörím"* (мой дома), при этом очень часто можно услышать исходную форму *"üjlerím"*, а *"üjlörüm"* – лишь очень редко [Pröhle 1914/1915: 172].

Звук *j*, относящийся к следующему слогу, обычно вызывает изменение предшествующих гласных *a*, *i*, *u* на *i*, *i*, *ü*. Так, вместо *"qaláj-edim"* часто говорят *"qalij-edim"* ("я остался"); вместо *"zījil-"* ("собираться") почти всегда *"zijil-"*; вместо *"qorú-j-edim"* ("я удержал") – *"qorüj-edim"*. Сюда же относятся такие слова, как: *"tijáq"* ("палка"), в карачаевском *"t'ajáq"*, в османском *"dajaq"*; *"zijáu"* ("пешком"), в карачаевском *"žajáu"*; *"büjur-"* ("приказывать"), в османском *"bujur-"*, а также заимствованное слово *"dünjá"* ("мир"). Если *j* образует слог с предшествующим гласным, или гласный находится в ударной позиции, или предшествующий согласный имеет опору в артикуляции, то, как правило, изменения не происходят. Например, *"zījdīm"* ("я собрал"); *"zījīyīz"* ("соберите!"); *"qujáman"* ("я наливаю"), в последнем случае *q* препятствует появлению ожидаемого умлаута. Звук *š* вызывает умлаут *i* и *ü* в таких словах, как *"qajīš"* ("ремень"); *"ašamīš"* ("обжора") и т.д. [Pröhle 1914/1915: 173].

Под влиянием гласных *ö* или *ü* в предыдущем слоге любая гласная *e* может перейти в закрытое *ö*. Например, *"ölgön"* рядом с *"ölgén"* (умерший), *"ölsöm"* рядом с *"ölsém"* (если я умру), *"külömen"* рядом с *"külémen"* (я смеюсь), *"üjgö"* рядом с *"üjgé"* (дому), *"üjdö"* рядом с *"üjdé"* (в доме), *"üjlöni"* рядом с *"üjleni"* (домов); *"ülöš-"* рядом с *"üleš-"* (делить). Из этого ряда выпадает отрицательный суффикс – *me*, где отсутствует такое изменение звука. В. Прёле также замечает, что в лексеме *birsükün* вместо *birsikün* действует процесс обратной лабиализации. В примечании отмечается, что отклонение от нормального произношения второго слога в словах, таких как *taúq* ("курица"), *taúš* ("голос"), *tabul-* (встречается редко вместо *tabıl-*) и т. д., несомненно, объясняется влиянием рассматриваемых губных звуков, ретроспективно мы находим то же явление, например, в *z u á p* (вместо **zuwap* <араб. *žawâb*. ср. балк. *q i r á l* и кирг. *q'arál* "народ"), "ответ", и *éndüwa* вместо *éndiwa* [Pröhle 1914/1915: 173].

По мнению В. Прёле, наблюдаемое в диалекте выпадение гласных в таких случаях, как *orun* "место", *ornúm* "мое место"; *qarın* "желудок", *qirniñ* "твой желудок"; *ajır-* "делить", *ajrıł-* "делиться, быть разделенным", относится к добалкарскому периоду развития языка.

В. Прёле полагает, что причина элизии в черекском диалекте балкарского идиома, которая встречается чаще, чем в карачаевском идиоме, заключается в заметном быстром темпе речи, с которой балкарцы в целом говорят. Это приводит чаще к выпадению конечного гласного перед начальным, чем наоборот: *almá ašáj* (алмá ашáй) превращается в *alm' ášaj* (алм' áшай) (кушая яблоко); *üjüné da eltejík* – в *üjüné d' eltejík* ((мы повели его также домой); *anı́ órnunà* (ані́ óрнунá) – в *an' órnunà* (an' óрнунá) (на его место, вместо него); *bú újle* (бú юйле) – в *b' újle* (эти дома); *kesí üjündè* (кеси юйюнде) – в *kes' üjündè* (в собственном доме); *bolur-tu-edin?* (болур-му - эдинг (был бы ты?)) – в *bolúr-m'-eñ?*. Напротив, начальный гласный может выпадать после конечного: *arı́ urúp* (ары уруп) (ударяя туда) – в *arı́ 'rup*; *kertme ašáj* (кертмé ашáй) (кушая грушу) – в *kertmé 'šáj*; *zuquí ücün* (зукý юцýн) (из-за сна) – в *zuquí 'cün* [Pröhle 1914/1915: 174].

Отмечается, что форма типа красис (вид стяжения в языке, при котором конечный гласный одного слова и начальный гласный следующего соединяются в один слог) встречается в случаях, подобных *qaräuscüm* вместо *qarauci-ēdim* < *qarauci-edim* (къарауцу эдим) (я имел обыкновение смотреть). Автор делает примечание, что такие формы функционируют только в песнях, однако в повседневной речи предпочтение отдается форме *qarauc'ēdim* (къарауц'эдим) вместо *qaräuscüm* (къарауцүм) [Pröhle 1914/1915: 174].

Переходя к описанию изменений в системе консонантизма исследуемого диалекта, В. Прёле отмечает функционирование чередующиеся удвоенных и одинарных согласных и приводит следующие примеры: *qattí* наряду с *qatí* ("твердый"); *ajja-* наряду с *aja-* ("беречь"); *mtá* наряду с *má* ("смотри! вот тебе!"). В диалекте отмечены также частые случаи полной ассимиляции звуков: *erin* ("губа"), *erillé* вместо *erinlé* ("губы"); *atammí* вместо *atamní* ("моего отца"); *ataññí* вместо *atañní* ("твоего отца"); *ullú-lla* вместо *ullú-dla* < *ullú-dulà* ("они большие"); *énni* наряду с *éndi* ("сейчас") и т.д.

Нередко встречается выпадение согласных, например, *bojunsá* "ярмо" в форме карач. *bojunsxá*; *qaláma* "я остаюсь" и *kelése* "ты приходишь" рядом с *qaláman* и *kelésen*; *bila* рядом с *bilan* "с", *ücü* рядом с *ücün* "из-за", *o* рядом с *ol* "он, тот" и т.д. В случае с примерами *qaláma* - *qaláman* и *kelése* - *kelésen* В. Прёле не отмечает становление новых грамматических форм, где формы *qaláman* и *kelésen* представляют собой архаичные формы, иногда употребляющиеся в устной речи. Наиболее частым является выпадение звука *r*, которое уже зафиксировано для куманского языка. Так, говорят *öltürügé* вместо *öltürürgé* "убивать"; *qaldırıya* вместо *qaldırırýa* "оставлять"; *üjlé* "дома" рядом с *üjlér*, *atlá* "лошади" рядом с *atlár* и т.д. Часто выпадает даже предшествующий звуку *r* гласный *u*, *i*, *ü*: *bolúqman* "я хочу стать" вместо *bolurlúqman*, *öllúkmen* "я хочу умереть" вместо *öölurlúkmen*; *alya* "брат, брат" вместо *alırýa*. После выпадения *d* в определенных формах глагола "быть" возникли такие формы, как: *ēm* < *edim* "я был"; *ēñ* < *ediñ* "ты был"; *ēk* < *edik* "мы были", *ēgiz* < *edigiz* "вы были" [Pröhle 1914/1915: 174-175].

Начальные согласные энклитических слов *da*, *dä*, *de* (означающих "и"), *dí*, *du*, *dí*, *dü* (означающих "есть"), *dilà*, *dulà*, *dilè*, *dülè* (означающих "есть" во множественном числе) и *de-* (означающего "говорить") после предшествующего глухого конечного согласного превращаются в "t". Например: *at-ta* (и лошадь); *zazıx-ti* (жаль); *qallıx-tzila* (они останутся); *Ajtéx-tegèn bir zaş* (мальчик по имени Айтек) [Pröhle 1914/1915: 174-175].

Отмечается практическое отсутствие в черекском диалекте (в целом и в балкарском идиоме) звука "d" в абсолютном конце слова, чем и обусловлено превращение форм типа *qalyándi* "он остался", *kelgénd* "он пришел", *qūdí* "он охотился", *edi* "он был" после возможного выпадения конечного гласного в *qalyánt* "остался", *kelgént* "пришел", *qūt* "охотился", *ēt* "был".

Подобно тому, как внутри слова изначальное *č* (ч) перед *t* и *l* перешло не в *c* (ц), а в *š* (ш), так и конечный *c* (ц) перед начальным *t* и *l* всегда становится *š* (ш): *zaş aştı* "мальчик голоден" (не *ac-tı* (ацты!), *zaş «aş!» tep sölleşxéñdi* "мальчик сказал: «Открой!»" (не *ác tep* ! "ац теп!") [Pröhle 1914/1915: 174-175].

Происходит также позиционно зависимая трансформация $k > \acute{x}$ (х мягкое), $q > \chi$ (х соответственно) и $p > f$ в середине и конце слова перед начальными глухими согласными: *ešík* (дверь), *ešixté* (в двери); *bu ešix tújúl-dü* (это не дверь); *aχsáq* (хромающий) (казахское *aqsáq* (хромающий), *bir aχsáχ taj* (хромающий же-ребенок); *teψε-* или *teψε-* (танцевать); *tap* (найди!), но: *taptím или taftím* (я нашел); *tapsám* или *tafsám* (если я найду); *ucúf ketti* (улетел прочь) (вместо *ucúp ketti*). Данная звуковая трансформация появляется исключительно при отсутствии паузы в речевом потоке говорящего [Pröhle 1914/1915: 174-175].

При сочетании начальных и конечных звуков ($— k k—$, $— q q—q—$, $— q k—$) упомянутые трансформации происходят лишь в исключительных случаях, как, например, в слове *ijíχ - kün* (воскресенье), наряду с *ijíq - kün*. Отмечается, что в позиции перед звонким начальным согласным такой случай также встречается крайне редко. Например, *uzáχ zèr* вместо *uzáq zèr* (далекое место) [Pröhle 1914/1915: 175].

Автор считает важным упомянуть добалкарскую трансформацию конечных k в g , q в $γ$, p в b перед гласными в суффиксах и отмечает, что это явление также встречается в конце слова перед гласным в начале следующего слова (при условии полного слияния произношения соответствующих словосочетаний): *ešík* "дверь", *ešigím* "моя дверь", *ešig allindá* "перед дверью"; *qujruq* "хвост", *qujruγú* "его хвост"; *qonáq* "гость", *qonáγ-üj* "гостевая комната"; *tap-* "находить", *tabársan* "ты найдешь"; *kör* "много", *kób aχcà* "много денег", имеются случаи, такие как: *qorq-* "бояться", будущее время *qorqur!* [Pröhle 1914/1915: 175-176].

Слова с дифтонгом или долгим $\bar{u}$, $\bar{i}$ в конце слова считаются оканчивающимися на согласный: *táu* "гора", *tau'úm* "моя гора"; *kezü* "ряд", *kezüün* "твой ряд" и т.д.

В. Прёле, подчеркивая весьма относительный характер удобства произношения, считает его для балкарского языка в некотором смысле подходящим, поскольку формы метатезы, так часто встречающиеся в этом диалекте, кажутся более удобными для речевых органов иностранцев, чем соответствующие слова родственных диалектов. Например, *aχcíc* (ахцыц) — «ключ», в карачаевском — *ačxíc* (ачхыч); *baχcíc* (бахцыц) — "лестница", в казахском — *basqıç* (баскыч); *bıχci* (быхцы) — "пила", в османском — *bıçqı* (бычхы); *ziltıryan* (зылтыргъан) вместо *zirtıryan* (зыртылгъан) — "рванный, разорванный" [Pröhle 1914/1915: 176].

В. Прёле, обращаясь к описанию особенностей ударения в балкарском идиоме, указывает, что оно, как правило, падает на последний слог, и отмечает, что правила, приведенные для карачаевского [Pröhle 1909: 220], нуждаются лишь в одном дополнении: в звательном падеже каждое существительное имеет ударение на первом слоге: *qarındaşlá* (къарындашлá) — "братья", но *qárinđaşla* (къáрындашла) — "о, братья!". Однако, тонко замечает автор, если существительное в звательном падеже имеет определение, то отчетливо артикулируется только ударение атрибутивной части, в остальном же никаких изменений не происходит. Например, *nék zilájsa*, *aχší qatın* (нэк зыла́йса, ахшы ќатын) — "почему ты плачешь, добрая женщина?" [Pröhle 1914/1915: 176].

Рассматривая вопрос долготы и краткости гласных, В. Прёле отмечает, независимо от того, находятся ли гласные a , e , o , $\bar{o}$ под ударением или нет, в открытом

слоге, за которым следует слог с гласными *i*, *í*, *u* или *ü*, они всегда произносятся как полудолгие. Это универсальное правило, которое делает графическое обозначение долготы данных гласных совершенно излишним. Он формулирует следующее правило: слова произносятся с полудолгим "a" в первом слоге: *qarín* "желудок", *qarílyac* "ласточка", *atím* "моя лошадь", *alíp* "брат", а с полудолгим "a" в предпоследнем слоге: *anasí* "его мать", *aládi* "он берет"; полудолгим "e" в первом слоге: *terí* "мех", *ešit* "слушай!", *bešišer* "по пять"; полудолгим "e" в предпоследнем слоге: *kelédi* "он приходит", *egecím* "моя сестра"; с полудолгим "o" в первом слоге: *orun* "место", *qobúz* "скрипка"; с полудолгим "ö" в первом слоге: *ögüz* "бык", *ölür* "он умрет", *kögürçün* "голубь". По его мнению, в словах *qarnim* "мой желудок", *atla* "лошади", *al* "возьми!", *aná* "мать", *analá* "матери", *alá* "берущий", *beš* "пять", *kel* "приди!", *egéc* "сестра", *ornúm* "мое место", *ölémen* "я умираю" соответствующие гласные *a*, *e*, *o*, *ö* произносятся кратко, поскольку здесь отсутствуют условия, упомянутые в приведенном выше правиле [Pröhle 1914/1915: 176-177].

Таким образом, В. Прёле формулирует общий вывод и приводит примеры: слова *al* "возьми!", *alá* "произносятся с кратким "a", что обусловлено закрытостью слога и за первым и вторым "a" не следует слог с "í" (ы); но в "alír" первое "a", а в "aládi" второе "a" произносятся полудолго, поскольку они находятся в открытом слоге перед слогом с "í" (ы). Точно так же "o" в "oram" (улица) краткое, а в "orún" (место) полудолгое, потому что за "o" в открытом слоге в "oram" не следует слог с "u", тогда как в "orún" за открытым слогом с "o" следует слог с "u" [Pröhle 1914/1915: 177].

Упомянутое выше правило долготы и краткости звуков не связано с ударением, и тот факт, что в *aládi* "он берет", *kelédi* «он приходит» и во всех подобных случаях ударное *a* или *e* не произносятся как полудолгие из-за ударения, как я раньше полагал, также становится понятным из того, что глагольные формы, лежащие в основе этих форм, *alá*, *kelé*, если у них нет суффиксов, несмотря на ударение, произносятся с кратким *a* или *e* на конце слова; точно так же слова *atá*, *aná*, *ijé* в конечной позиции произносятся с кратким *a* или *e*, в то время как в формах: *ataś* "его отец", *anaś* "его мать", *ijesí* "его господин" те же самые звуки являются полудолгими.

Таким образом, в слове *analá* "мамы" произносятся три коротких звука *a*, тогда как в *analarí* "их мать" гласный *a* в предпоследнем слоге произносится как полудолгий. То, что в формах *aláman* "я беру", *kelémen* "я прихожу", *alásan* "ты берешь", *kelésen* "ты приходишь" ударное *á* и *é* произносятся как полудолгие, как в *aladi* "он берет", *kelédi* "он приходит", *alábiz* "мы берем", *kelébiz* "мы приходим", вовсе не объясняется влиянием акцента, а скорее обусловлено тем, что гласные персональных суффиксов -*man*, -*san*, -*men*, -*sen* всегда произносятся очень кратко и склоняются к произношению звуков *i* или *í* [Pröhle 1914/1915: 177-178].

В некоторых случаях влияние акцента на долготу и краткость звуков всё же неоспоримо. Так, например, вокатив *bálam* "мой ребёнок" часто произносится с полудолгим *a* в первом слоге.

В формах типа *qalmábiz* "мы не останемся" и *ketmébiz* "мы не уйдем" возникает вопрос о том, обусловлена ли долгота ударных гласных *á* и *é* влиянием ударения, или же мы имеем дело с явлением компенсаторного удлинения, поскольку первоначальные формы, вероятно, звучали как *qalmázbiz* и *ketmézbiz*.

В примечании отмечается, что в слове *at* "имя" звук *a* произносится всегда полудолго, а в слове *at* "лошадь" – всегда кратко. Звук *ö*, возникший в результате лабиализации, при соответствующих условиях также может быть полудолгим, как *e*, из которого он развился. Например, *ölómen* вместо *ölémen* "я умираю", *üjdögilé* вместо *üjdegilé* "находящиеся в доме" произносятся с полудолгим *ö* во втором слоге [Pröhle 1914/1915: 178].

Заключение

Исследование фонетики черекского диалекта в работе В. Прёле дает возможность рассмотреть с исторической позиции состояние и особенности формирования звуковой системы балкарского идиома, проанализировать практические и теоретические положения, сформулированные им, их соотношение с современным состоянием описания фонетической системы балкарского идиома, отметить возможные трансформации звуковой системы, адекватность восприятия звуков в потоке речи в устной форме.

В. Прёле в целом дал достаточно полную картину звуковой системы черекского диалекта, аргументировано установил, что фонетические системы баксанского и чегемского диалектов балкарского идиома носят промежуточный характер между черекским диалектом и карачаевским вариантом карачаево-балкарского языка.

Высказанные В. Прёле мысли относительно долготы и краткости отдельных гласных и удвоенных согласных могут стать объектом дальнейших исследований не только в рамках карачаево-балкарского языка, но в целом и в тюркологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015а – Аликаев Р.С., Башиева С.К., Тогузаева М.Р. "BALKARISCHE STUDIEN" Вильгельма Прёле: структура и содержание // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 207-216.

Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015б – Аликаев Р.С., Башиева С.К., Тогузаева М.Р. Структурно-содержательные особенности "карачаевского словаря" и "балкарского словаря" Вильгельма Прёле // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 2. – С. 172-174.

Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015с – Аликаев Р.С., Башиева С.К., Тогузаева М.Р. Русифицизмы в "KARATSCHAJISCHE STUDIEN" И "BALKARISCHE STUDIEN" В. Прёле: функциональный аспект // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 1. – С. 63-69.

Аликаев, Тогузаева 2015 – Аликаев Р.С., Тогузаева М.Р. Вильгельм Прёле и истоки карачаево-балкарской научной филологии // Языки и литературы тюркских народов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию создания кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. – 2015. – С. 4-5.

Аликаев, Тогузаева 2016 – Аликаев Р.С., Тогузаева М.Р. Вильгельм Прёле и истоки карачаево-балкарской научной филологии // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 406-411.

Аликаев 2017 – Аликаев Р.С. Языковые особенности и историко-культурное значение "Балкарских штудий" Вильгельма Прёhle // Язык: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 4-24.

Pröhle 1909 – *Pröhle, Wilhelm*. Karatschajische Studien 11 Keleti Szemle. Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215-304. II. Karatschaische Texte. – S. 235-304.

Pröhle 1914/1915 – *Pröhle, Wilhelm*. Balkarische Studien-I // Keleti Szemle. – №: 15. – Budapest, 1914/1915. – P. 165-178.

REFERENCES

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K., TOGUZAEVA M.R. "BALKARISCHE STUDIEN" Vil'gel'ma Prele: struktura i sodержanie ["BALKARISCHE STUDIEN" by Wilhelm Pöhle: Structure and Content]. In: Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – P. 207-216. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K., TOGUZAEVA M.R. Strukturno-soderzhatel'nye osobennosti "karachaevskego slovary" i "balkarskego slovary" Vil'gel'ma Prele [Structural and Content Features of Wilhelm Pöhle's "Karachay Dictionary" and "Balkar Dictionary"]. In: Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2015. – № 2. – P. 172-174. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K., TOGUZAEVA M.R. Rusitsizmy v "KARATSCHAJISCHE STUDIEN" I "BALKARISCHE STUDIEN" V. Prele: funktsional'nyi aspekt [Russicisms in Wilhelm Pöhle's "KARATSCHAJISCHE STUDIEN" and "BALKARISCHE STUDIEN": Functional Aspect]. In: Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2015. – № 1. – P. 63-69. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., TOGUZAEVA M.R. Vil'gel'm Prele i istoki karachaevo-balkarskoi nauchnoi filologii [Wilhelm Pöhle and the Origins of Karachay-Balkar Scientific Philology]. In: Yazyki i literatury tyurkskikh narodov. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 180-letiyu sozdaniya kafedry tyurkskoi filologii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – P. 4-5. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., TOGUZAEVA M.R. Vil'gel'm Prele i istoki karachaevo-balkarskoi nauchnoi filologii [Wilhelm Pöhle and the Origins of Karachay-Balkar Scientific Philology]. In: Aktual'nye voprosy tyurkologicheskikh issledovaniy. K 180-letiyu kafedry tyurkskoi filologii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – Sankt-Peterburg, 2016. – P. 406-411. (In Russ.)

ALIKAEV R.S. Yazykovye osobennosti i istoriko-kul'turnoe znachenie "Balkarskikh shtudii" Vil'gel'ma Prele [The Language Features and Historical and Cultural Significance of Wilhelm Pöhle's "Balkar Studies"]. In: Yazyk: istoriya i sovremennost'. – 2017. – № 1. – P. 4-24. Pröhle, Wilhelm. Karatschajische Studien 11 Keleti Szemle. Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215-304. II. Karatschaische Texte. – S. 235-304. (In Russ.)

PRÖHLE, WILHELM. Karatschajische Studien 11 Keleti Szemle. Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215-304. II. Karatschaische Texte. – S. 235-304.

PRÖHLE, WILHELM. Balkarische Studien-I. In: Keleti Szemle. – №: 15. – Budapest, 1914/1915. – P. 165-178.

Сведения об авторе

Р.С. Аликаев – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

R.S. Alikaev – Doctor of Philological Sciences, Full Professor.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.